

Денис Васильевич Давыдов
Произведения

Гусарская исповедь

СОН

- Кто столько мог тебя, мой друг, развеселить?
От смеха ты почти не можешь говорить.
Какие радости твой разум восхищают,
Иль деньгами тебя без векселя ссужают?
Иль талия тебе счастливая пришла
И двойка трантель-ва на выдержку взяла?
Что сделалось с тобой, что ты не отвечаешь?
- Ай! дай мне отдохнуть, ты ничего не знаешь!
Я, право, вне себя, я чуть с ума не шшел:
Я нонче Петербург совсем другим нашел!
Я думал, что весь свет совсем переменялся:
Вообрази - с долгом Н<арышки>н расплатился;
Не видно более педантов, дураков,
И даже поумнел З<агряжск>ой, С<вистун>ов!
В несчастных рифмачах старинной нет отваги,
И милый наш Марин не пачкает бумаги,
А, в службу углубясь, трудится головой:
Как, заводивши взвод, вовремя крикнуть: стой!
Но больше я чему с восторгом удивлялся:
Ко<пъ>ев, который так Ликургом притворялся,
Для счастья нашего законы нам писал,
Вдруг, к счастью нашему, писать их перестал.
Во всем счастливая явилась перемена,
Исчезло воровство, грабительство, измена,
Не видно более ни жалоб, ни обид,
Ну, словом, город взял совсем противный вид.
Природа красоту дала в удел уроду,
И сам Л<ава>ль престал коситься на природу,
Б<агратио>на нос вершком короче стал,
И Д<иб>ич красотой людей перепугал,
Да я, который сам, с начала свою века,
Носил с натяжкой названье человека,
Гляжуся, радуюсь, себя не узнаю:
Откуда красота, откуда рост - смотрю;
Что слово - то bon mot* что взор - то страсть вселяю,
Дивлюся - как менять интриги успеваю!
Как вдруг, о гнев небес! вдруг рок меня сразил:
Среди блаженных дней Андрюшка разбудил,
И все, что видел я, чем столько веселился -
Все видел я во сне, всего со сном лишился.

1803

* острое словцо (фр.).

ГОЛОВА И НОГИ

Уставши бегать ежедневно
По грязи, по песку, по жесткой мостовой,
Однажды Ноги очень гневно
Разговорились с Головой:
"За что мы у тебя под власть такой,
Что целый век должны тебе одной повиноваться;
Днем, ночью, осенью, весной,
Лишь вздумалось тебе, изволь бежать, таскаться
Туда, сюда, куда велишь;
А к этому еще, окутавши чулками,
Ботфортами да башмаками,
Ты нас, как ссылочных невольников, моришь
И, сидя наверху, лишь хлопаешь глазами,
Покойно судишь, говоришь
О свете, о людях, о моде,
О тихой иль дурной погоде;
Частенько на наш счет себя ты веселишь
Насмешкой, колкими словами, -
И, словом, бедными Ногами
Как шашками вертишь". -
"Молчите, дерзкие, - им Голова сказала, -
Иль силою я вас заставлю замолчать!..
Как смеете вы бунтовать,
Когда природой нам дано повелевать?" -
"Все это хорошо, пусть ты б повелевала,
По крайней мере, нас повсюду б не швыряла,
А прихоти твои нельзя нам исполнять;
Да, между нами ведь признаться,
Коль ты имеешь право управлять,
Так мы имеем право спотыкаться
И можем иногда, споткнувшись - как же быть, -
Твое Величество об камень расшибить".

Смысл этой басни всякий знает...
Но должно - тс! - молчать: дурак - кто все болтает.

1803

РЕКА И ЗЕРКАЛО

За правду колкую, за истину святую,
За сих врагов царей, - деспот
Вельможу осудил: главу его седую
Велел снести на эшафот.
Но сей успел добиться

Пред грозного царя предстать -
Не с тем, чтоб плакать иль крушиться,
Но, если правды не боится,
То чтобы басню рассказать.
Царь жаждет слов его; философ не страшится
И твердым гласом говорит:
"Ребенок некогда сердился,
Увидев в зеркале свой безобразный вид;
Ну в зеркало стучать, и в сердце веселился,
Что может зеркало разбить.
Наутро же, гуляя в поле,
Свой гнусный вид в реке увидел он опять.
Как реку истребить? - Нельзя, и поневоле
Он должен был и стыд и срам питать.
Монарх, стыдись! Ужели это сходство
Прилично для тебя?..
Я - зеркало: разбей меня,
Река - твое потомство:
Ты в ней найдешь еще себя".
Монарха речь сия так сильно убедила,
Что он велел ему и жизнь и волю дать...
Постойте, виноват! - велел в Сибирь сослать,
А то бы эта была на басню походила.

1803

БУРЦОВУ

В дымном поле, на биваке
У пылающих огней,
В благодетельном араке
Зрю спасителя людей.
Собирайся вкруговую,
Православный весь причет!
подавай лохань златую,
Где веселие живет!
Наливай обширны чаши
В шуме радостных речей,
Как пивали предки наши
Среди копий и мечей.
Бурцев, ты - гусар гусаров!
Ты на ухарском коне
Жесточайший из угаров
И наездник на войне!
Стукнем чашу с чашей дружно!
Нынче пить еще досужно;
Завтра трубы затрубят,
Завтра громы загремят.
Выпьем же и поклянемся,
Что проклятью предаемся,
Если мы когда-нибудь

Шаг уступим, побледнеем,
Пожалеем нашу грудь
И в несчастье оробеем;
Если мы когда дадим
Левый бок на фланкировке,
Или лошадь осадим,
Или миленькой плутовке
Даром сердце подарим!
Пусть не сабельным ударом
Пресечется жизнь моя!
Пусть я буду генералом,
Каких много видел я!
Пусть среди кровавых боев
Буду бледен, боязлив,
А в собрании героев
Остр, отважен, говорлив!
Пусть мой ус, краса природы,
Черно-бурый, в завитках,
Иссечется в юны годы
И исчезнет, яко прах!
Пусть фортуна для досады,
К умножению всех бед,
Даст мне чин за вахтпарады
И "Георгья" за совет!
Пусть... Но чу! гулять не время!
К коням, брат, и ногу в стремя,
Саблю вон - и в сечу!
Вот Пир иной нам Бог дает,
Пир задорней, удалее,
И шумней, и веселее...
Ну-тка, кивер набекрень,
И - ура! Счастливый день!

1804

БУРЦОВУ

Призывание на пунш

Бурцев, ера*, забияка,
Собутыльник дорогой!
Ради Бога и... арака
Посети домишко мой!
В нем нет нищих у порогу,
В нем нет зеркал, ваз, картин,
И хозяин, слава Богу,
Не великий господин.
Он - гусар и не пускает
Мищурою пыль в глаза;
У него, брат, заменяет
Все диваны куль овса.
Нет курильниц, может статья,

Зато трубка с табаком;
Нет картин, да заменятся
Ташкой** с царским вензелем!
Вместо зеркала сияет
Ясной сабли полоса:
Он по ней лишь поправляет
Два любезные уса.
А наместо ваз прекрасных,
Беломраморных, больших,
На столе стоят ужасных
Пять стаканов пуншевых!
Они полны, уверяю,
В них сокрыт небесный жар.
Приезжай, я ожидаю,
Докажи, что ты гусар.

1804

* беспутный человек. - Прим. ред.

** Ташка - у гусар свободно висящий кожаный декоративный карман. - Прим. ред.

ГУСАРСКИЙ ПИР

Ради Бога, трубку дай!
Ставь бутылки перед нами,
Всех наездников сзывай
С закрученными усами!
Чтобы хором здесь гремел
Эскадрон гусар летучих,
Чтоб до неба возлетел
Я на их руках могучих;
Чтобы стены от ура
И тряслись и трепетали!..
Лучше б в поле закричали...
Но другие горло драли:
"И до нас придет пора!"
Бурцев, брат, что за раздолье!
Пунш жестокий!.. Хор гремит!
Бурцев, пью твое здоровье:
Будь, гусар, век пьян и сыт!
Понтируй, как понтируешь,
Фланкируй, как фланкируешь;
В мирных днях не унывай
И в боях качай-валяй!
Жизнь летит: не осрамися,
Не проспи ее полет,
Пей, люби да веселися! -
Вот мой дружеский совет.

1804

ОРЛИЦА, ТУРУХТАН И ТЕТЕРЕВ

Орлица
Царица
Над стадом птиц была,
Любила истину, щедроты изливала,
Неправду, клевету с престола презирала.
За то премудрою из птиц она слыла,
За то ее любили,
Покой ее хранили.
Но наконец она Всемощною Рукой,
По правилам природы,
Прожив назначенные годы,
Взята была судьбой,
А попросту сказать - Орлица жизнь скончала;
Тоску и горести на птичий род нагнала;
И все в отчаянье горчайши слезы льют,
УНЫЛЫМ ТОНОМ
И со стоном
Хвалы покойнице поют.
Что сердцу горестно, легко ли то забыть?
Слеза - души отрада
И доброй памяти награда.
Но - как ни горестно - ее не возвратить...
Пернаты рассуждают
И так друг друга уверяют,
Что без царя нельзя никак на свете жить
И что царю у них, конечно, должно быть!
И тотчас меж собой совет они собрали
И стали толковать,
Кого в цари избрать?
И наконец избрали...
Великий Боже!
Кого же?
Турухтана!
Хоть знали многие, что нрав его крутой,
Что будет царь лихой,
Что сущего тирана
Не надо избирать,
Но должно было потакать -
И тысячу похвал везде ему трубили:
Иной разумным звал, другие находили,
Что будет он отец отечества всего,
Иные клали всю надежду на него,
Иные до небес ту птицу возносили, -
И злого петуха в корону нарядили.
А он -
Лишь шаг на трон,
То хищной тварью всей себя и окружил:
Сычей, сорок, ворон - в павлины нарядил,
И с сею сволочью он тем лишь забавлялся,

Что доброй дичью всей без милости ругался:
Кого велит до смерти заклевать,
Кого в леса дальнейшие сослать,
Кого велит терзать сорокопугу -
И всякую минуту
Несчастья каждый ждал,
Томился птичий род, стонал...
В ужасном страхе все, а делать что - не знают!
"Виновны сами мы, - пернаты рассуждают, -
И, знать, карает нас вселенная Творец
За наши каверзы тираном сим вконец
Или за то, что мы в цари избрали птицу -
Кровопийцу!.."
И в горести они летят толпой к леску
Размыкать там свою смертельную тоску.
Не гимны, Турухтан, тебе дичина свищет,
Возмездия делам твоим тиранским ищет.
Когда народ стенет, всяк час беда, напасть,
Пернаты, знать, злодейств терпеть не станут боле!
Им нужен добрый царь, - ты ж гнусен на престоле!
Коль необуздан ты - твоя несносна власть!
И птичий весь совет решился,
Чтоб жизни Турухтан и царствия лишился.
К такому приступить гораздо делу трудно!
Однако как же быть?
Казалось многим то безумно,
Но чем иным переменить?..
Ужасно действие и пропасть в нем греха!
Да, как ни есть,
Свершили мечь -
Убили петуха!
Не стало Турухтана, -
Избавились тирана!
В восторге, в радости, все птицы вне себя,
Злодея истребя,
Друг друга лобызают
И так болтают:
"Теперь в спокойствии и неге заживем,
Как птицу смирную на царство изберем!"
И в той сумятице на трон всяк предлагает:
Кто гуся, кто сову, кто курицу желает,
И в выборе царя у птиц различный толк.
О рок!
Проникнуть можно ли судеб твоих причину?
Карашь явно ты пернатую дичину!
И вдруг сомкнулись все, во всех местах запели,
И все согласно захотели,
Чтоб Тетерев был царь.
Хоть он глухая тварь,
Хоть он разиня бестолковый,
Хоть всякому стрелку подарок он готовый, -

Но все в надежде той,
Что Тетерев глухой
Пойдет стезей Орлицы...
Ошиблись бедны птицы!
Глухарь безумный их -
Скупяга из скупых,
Не царствует - корпит над скопленной добычью
И управлять другим несчастной отдал дичью.
Не бьет он, не клюет,
Лишь крохи бережет.
Любимцы ж царство разоряют,
Невинность гнут в дугу, срамцов обогащают...
Их гнусной прихотью кто по миру пошел,
Иной лишен гнезда - у них коль не нашел.
Нет честности ни в чем, идет все на коварстве,
И сущий стал разврат во всем дичином царстве.
Ведь выбор без ума урок вам дал таков:
Не выбирать в цари ни злых, ни добрых петухов.

1804

МУДРОСТЬ

Анакреонтическая ода

Мы недавно от печали,
Лиза, я да Купидон,
По бокалу осушали
И просили Мудрость вон.

"Детушки, поберегитесь! -
Говорила Мудрость нам. -
Пить не должно; воздержитесь:
Этот сок опасен вам".

"Бабушка! - сказал плутишка. -
Твой совет законом мне.
Я - послушливый мальчишка,
Но... вот капелька тебе, -

Выпей!" - Бабушка напрасно
Отговаривалась пить.
Как откажешь? Бог прекрасной
Так искусен говорить.

Выпила и нам твердила
О воздержности в вине;
Еще выпив, попросила,
Что осталось на дне.

И старушка зашаталась,
Не нашедши больше слов;

Зашатавшись, спотыкалась,
Опираясь на Любовь.

1807

ДОГОВОРЫ

Довольно... я решен: люблю тебя... люблю.
Давно признанию удобный миг ловлю,
И с уст трепещущих слететь оно готово.
Но взглянешь ты - смущаюсь я
И в сердце робкое скрываю от себя
Все бытие мое вмещающее слово.
Бегу тебя... вотще!.. полна
Безумная душа тобою,
В мечтах бессонницы и в жарких грезах сна,
Неотразимая! ты всюду предо мною.
Прилично ль это мне? - Прошла, прошла пора
Тревожным радостям и бурным наслажденьям,
Потухла в сумраке весны моей заря;
Напрасно предаюсь привычным заблужденьям,
Напрасно! - мне ль тебя любить?
Мне ль сердце юное к взаимности склонить?
Увы, не в седирах сердца обворожаешь!
Все правда!.. но вчера... ты знаешь...
Могу ли позабыть наш тайный разговор!
Ты резвостью мила; но вздох, но томный взор,
Но что задумчивость твоя мне обещают?
Сказать ли все тебе? Уж в свете примечают,
Что ты не так резва, беспечна и меня
Безмолвно слушаешь. Вчера рука твоя
Моей не покидала.
Она в руке моей горела, трепетала,
И ты глядела - на кого?
Глядела на меня, меня лишь одного...
Я видел все... да, я любим тобою!
Как выражу восторг я сердца моего?
Теперь заранее нам должно меж собою
Согласно начертать сердечный договор;
Мы тем предупредим семейственный раздор,
Неудовольствия и неизбежны споры.
Вот первая статья:
Мы будем жить одни, глаз на глаз, ты да я.
Здесь тьма насмешников, которых разговоры
Кипят злословием; ехидных языков
Я, право, не боюсь; но модных болтунов,
Кудрявых волокит, с лорнетами, с хлыстами,
С очками на носу, с надутыми брыжами -
Как можно принимать? - Нет, без обиняков,
Нет, нет, решительно: отказ им невозвратный!
И для чего нам свет и чопорный и знатный,

Рой обожателей и шайка сорванцов?
К чему, скажи ты мне, менять нам тихий кров
И мирную любви обитель
На шумный маскарад нахалов и шутов?
Бог с ними! что до них! я обществ не любитель
И враг любезникам. Могу ль переносить
И угождения, и в дружбе уверенья
Вертявых шаркунов? Имеешь позволение
Раз в месяц... два раза - принять и угостить
Мне с детства моего знакомого соседа
Семидесяти лет. О, как его беседа
Полезна для души! Какой он явный враг
Всем ветреным забавам, развлеченьям,
Пирам, и праздникам, и светским угожденьям.
Итак, мой сделан первый шаг,
И первая статья написана.
Вторая: Прошу театр не посещать.
Но это - жертва не большая:
Ах, нам ли время убивать,
За наслаждением искусственным стремиться?
Миг дорог для любви! Мой друг, мой юный друг,
Минута праздная чем может наградиться?
К тому ж что видим мы в театрах? - Малый круг
Разумных критиков, а прочие - зеваки,
Глупцы, насмешники, невежды, забияки.
Открылся занавес: неистовый герой
Завоет на стихах и в бешенстве жеманном
Дрожащую княжну дрожащею рукой
Ударит невпопад кинжалом деревянным;
Иль, небу и земле отмищением грозя,
Пронзает грудь свою и, выпуча глаза,
Весь в клюквенном соку, кобенясь, умирает...
И ужинать домой с княжною уезжает.
Комедия тебя неужто веселит?
Чему учиться в ней? - лукавствовать, смеяться
Над добрыми людьми? Но можно ль забавляться
Несчастьем ближнего? - Там старичок смешит,
Что поздно полюбил, - но кто повелевает
Волнением страстей? Там мужа наряжает
Прической модною прелестная жена -
И муж бодается; насмешка не одна
Язвит любовников ревнивых!..
Что тут веселого? - К тому ж не вижу ль я
Опять соборища слепцов многоречивых!
Куда деваться мне? куда укрыть тебя
От жадных взглядов их и уст медоточивых?
Уж вот они, - шумят! Уж в ложе, - Боже мой!..
Уж пять наездников меж мною и тобой...
И вот еще один теснится с извиненьем...
И я у притолки! - Любезные слова
Их слушать осужден с досадой, с нетерпеньем...

Молчу! Что делать мне? - Супружние права
Теряют действие в собраньях многолюдных.
Но зрелищу конец, и мы идем с толпой
К подъезду... ах, и тут не легче жребий мой:
И тут я сволочью нахалов безрассудных
Затолкан до смерти! Они спешат, летят,
Усердствуют тебе и руку предлагают...
Возможно ль отказать? Учтивость, говорят,
Отказам первый враг. Глаза мои теряют
Тебя средь моря шуб, капотов, сертуков,
И шляп с султанами, и шапок, и чепцов!
Не черти ли назло мне путь пересекают,
Везде препятствия! - и я один брожу...
Нет, именем любви тебя прошу
Забывать навек театр, любви моей опасный!
Не все, не все еще: танцуешь ты прекрасно,
Я знаю; но тебе на балах не бывать.
Как, будешь ты на бал заранее наряжаться,
С намереньем приготовляться,
Чтоб нравиться другим, прельщать, обворожать?..
Так, стало, для других и локоны волнисты
Завьются? Для других и яхонты огнисты,
Алмазы яркие зажгутся в волосах,
Все это для других? - И в золоте, в лучах,
Богиня празднества, кадимая жрецами
И упоенная мольбами и хвалами,
Из жалости одной взор бросишь на того,
Кто более всех любит и кого
Ты не нарядами, не блеском привлекаешь,
Но сердцем, но умом, но скромностью пленяешь!..
Но вальсы начались. На вальс тебя просить
Подходит юноша. Он, с видом боязливым,
Бродящим взором, торопливым,
Окинул общество и взор остановить
Решился на тебе... И кто не восхитится,
Увидевши тебя! Уж он с тобой вертится...
Злодей! Уж он, обняв твой гибкий, стройный стан,
Летает... до полу из милости касаясь,
И ты лицо с лицом!.. А я?.. я, разрываясь,
Опять у притолки! А я? Опять в обман
Попался! Думал быть с тобою неразлучен,
Ждал удовольствия - теперь несносен, скучен,
В отчаянье, взбешен! - Но вальса вихрь утих,
И ты спешишь ко мне, чтоб перевесть дыханье, -
Я ожил, я забыл и горе и страданье,
Но, ах, надолго ли? - Рой франтов молодых
В погоне за тобой, и ты с одним из них -
Прекраснейшим, любезнейшим... Нет, полно!
Нет, балы позабуди!.. Утешь меня!.. Довольно
Измучен уже я одной мечтой моей!
Для рассудительных, бесчувственных людей

Я странен, может быть? Что ж делать, друг мой милый,
Могу ли быть тебе несносен оттого?
Не я виновен в том. Я сердца моего
Могу ль избавиться? Какою силой
Дам чувства новые ему?
Мне скажут: я тебя на скуку осуждаю,
Твой дом - в безлюдную тюрьму,
Столицу - в монастырь пустынный обращаю...
О нет! я сам хочу, чтоб всюду за тобой
Утехи, радости стремились толпой...
Но я покою люблю, но скромность обожаю...
И потому тебя в деревню призываю.
Огромны здания не нужны нам с тобой:
Чертог, украшенный искусною рукой,
Очаровательный, чудесный,
Не так мне нравится, как сельский домик тесный,
Но светлый и простой; я тесноту люблю:
Боюсь далеко жить от той, с кем жизнь делю!
В одной же горнице кто шепчет, кто вздыхает,
Кто стукнет, заскрепит, на цыпочках ступает, -
Я вижу, слышу, знаю все -
И сердце оттого спокойнее мое.
Чего еще желать блаженства к дополненью?
Во вкусе английском, простом,
Я рощу насажу, она окружит дом,
Пустыню оживит, даст пищу размышленью;
Вдоль рощи побежит струистый ручеек;
Там ивы гибкие беседкою сплетутся;
Березы над скамьей, развесившись, нагнутся;
Там мшистый, темный грот, там светленький лужок.
И даже огород приманит нас порою
Своей роскошною и скромной простотою.
Мы будем счастливы природой и собой!
Недалеко межа пустынников владенью...
Но сколько места в нем живому наслажденью!
Бог с ними, с благами роскошных гордецов!
Им мир и блеск мирской - нам угол и любовь.
Друзья, товарищи трудов моих смиренных -
Кто будут? Жители села с простым умом;
Ум стоит остроты: в невежестве своем
Они почтеннее людей высокомерных,
Которых называть опасно... Замолчу!..
Итак, с тобою я в деревню полечу,
Забывши светские печальные забавы,
И общежитие, и модные уставы.
О, сколько радости нас ожидает там!
Скитаться будем мы по рощам, по горам,
Куда глаза глядят... Но только все со мною,
Не разлучаясь, рука с рукою.
Найдем красивый вид; мы, восхищаясь им,
Приостановимся и взоры усладим,

И сердце сладкими наполнится мечтами...
Но вечереет день, уж солнце за горами,
И сумрак стелется; мы тихою стопой
Идем, задумавшись, с растроганной душой,
Спокойны, счастливы. Деревню переходим,
Но мимо хижины убогой не проходим;
Там скорбь безмолвную ты в рубище найдешь...
Смотри: мать бледная с детьми к тебе теснится;
Ты всем несчастным друг, ты помощь им даешь,
И жаркая слеза из глаз твоих катится.
Так дни проводишь ты. Там щедрою рукой
Даришь приданое невесте молодой;
Там старца дряхлого ты лета уважаешь:
Почетную скамью на свадьбе уступаешь;
И в скромном платье, без вычурных чудес,
Ты всем являешься посланницей небес.
Так в радостях любви мы дней не замечаем,
Так жизнь летящую в блаженство обращаем.
Ратификации трактату моему
Я с нетерпеньем жду. Доверься своему
Ты другу - подпиши статьи первоначальны;
Доволен будет он. Со временем ему
Осени вечера, мечты, прогулки дальны -
Внушат важнейшие. Придет счастливый час -
И тайные статьи явятся напоказ.

1807, середина 1830-х гг.

ПОДРАЖАНИЕ ГОРАЦИЮ

Если б боги милосердия
Были боги справедливости,
Если б ты лишилась прелестей,
Нарушая обещания...
Я бы, может быть, осмелился
Быть невольником преступницы!
Но, Аглая, как идет к тебе
Быть лукавой и обманчивой!
Ты изменишь - и прекраснее!
И уста твои румяные
Еще более румянятся
Новой клятвой, новой выдумкой!
Голос, взор твой привлекательней,
И, богами вдохновенная,
Ты улыбкою небесною
Разрушаешь все намеренья
Разлюбить неразлюбимую!
Сколько пленников скитается,
Сколько презренных терзается
Вкруг обители красавицы!
Мать страшится называть тебя

Сыну, юностью кипящему,
И супруга содрогается,
Если взор супруга верного
Хотя раз, хоть на мгновение
Обратится на волшебницу!..

1808

* * *

Поведай подвиги усатого героя,
О муза, расскажи, как Кульнев воевал,
Как он среди снегов в рубашке кочевал
И в финском колпаке являлся среди боя.
Пускай услышит свет
Причуды Кульнева и гром его побед.
Румяный Левенгельм на бой приготавливался
И, завязав жабо, прическу поправляя,
Ниландский полк его на клячах выезжал,
За ним и корпус весь Клингспора пресмыкался;
О храбрые враги, куда стремитесь вы?
Отвага, говорят, ничто без головы.
Наш Кульнев до зари, как сокол, встрепенулся;
Он воинов своих ко славе торопил:
"Вставайте, - говорит, - вставайте, я проснулся!
С охотниками в бой! Бог храбрости и сил!
По чарке да на конь, без холи и затеев;
Чем ближе, тем видней, тем легче бить злодеев!" *
Все вмиг воспрянуло, все двинулось вперед...
О муза, расскажи торжественный поход!
.....

1808

* Приказ Кульнева накануне нападения, которое было назначено за два часа до рассвета. - Прим. Давыдова.

ЧИЖ И РОЗА Басня

Дочь юная весны молодой,
Румяна Роза расцветала
И утреннею красотой
Сердца невольно привлекала.
И Чижик Розу полюбил;
Он путь к красавице направил,
Кочующих друзей оставил
И день и ночь при Розе жил.
Качаясь на зеленой ветке,
Где ждал награды для себя,

Хорошенькой своей соседке
Он говорил: "Люблю тебя!" -
"Уж многие любить клянутся, -
Сказала Роза, - так, как ты;
Когда ж лишусь я красоты,
Где верные друзья найдутся?" -
"Мне быть неверным? Никогда! -
Поет любовник легкокрылый. -
Напротив, страсть моя тогда
Еще усилится, друг милый!"
Амур тогда в саду летал:
Ему ль оставить это дело?
Он вдруг дыханье удержал -
И все в природе охладело.
Бореи* свищут, прах метут;
Листочки Розы побледнели,
Зефиры, мотыльки взлетели,
И следу нет!.. А Чижик тут.
"Ах, если ты находишь счастье
В моей любви, - он говорил, -
Утешься! Я люблю в ненастье,
Как в утро красное любил!"
Бог удивился не напрасно,
Он щедро наградил чету:
Удвоил Розы красоту,
И Чиж один любим был страстно.
Смысл басни, кажется, найден;
Его ты знаешь, друг мой милый:
Я - тот любовник легкокрылый,
Но как за верность награжден?

1808

*Борей- северный ветер или бог северного ветра. - Прим. ред.

ГРАФУ П. А. СТРОГАНОВУ

За чекмень, подаренный им мне во время войны 1810 года в Турции

Блаженной памяти мой предок Чингисхан,
Грабитель, озорник, с аршинными усами,
На ухарском коне, как вихрь перед громами,
В блестящем панцире влетал во вражий стан
И мощно рассекал татарскою рукою
Все, что противилось могущему герою.
Почтенный пращур мой, такой же грубиян,
Как дедушка его, нахальный Чингисхан,
В чекмене легоньком, среди мечей разящих,
Ордами управлял в полях, войной гремящих.
Я тем же пламенем, как Чингисхан, горю;
Как пращур мой Батый, готов на бранну прю.
Но мне ль, любезный граф, в французском одеянье

Явиться в авангард, как франту на гулянье,
Завязывать жабо, прическу поправлять
И усачам себя Линдором показать!
Потомка бедного ты пожалей Батыя
И за чекмень прими его стихи дурные!

1810

* * *

Как будто Диоген, с зажженным фонарем
Я по свету бродил, искавши человека,
И, сильно утвердясь в намеренье моем,
В столицах потерял я лучшую часть века.
Судей, подъячих я, сенаторов нашел,
Вельмож, министров, прокуроров,
Нашел людей я разных сборов -
Фонарь мой все горел.
Но, встретившись с тобой, я вздрогнул, удивился -
Фонарь упал из рук, но, ах!.. не погасился.

1810-е гг.

НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ КНЯЗЯ ПЕТРА ИВАНОВИЧА БАГРАТИОНА

Где Клии взять перо писать его дела?
У Славы из крыла.

1810-е гг.

ПЛЕМЯННИЦЕ

Любезная моя Аглая,
Я вижу ангела в тебе,
Который, с неба прилетая
С венцом блаженства на главе,
Принес в мое уединенье
Утехи, счастье жизни сей
И сладкой радости волненье
Сильней открыл в душе моей!
Любезная моя Аглая
Я вижу ангела в тебе!
Ах! как нам праздник сей приятен,
Он мил домашним и друзьям.
Хоть не роскошен и не знатен,
Зато в нем места нет льстецам.
Тебя здесь Дружба - угощает,
Веселость - на здоровье пьет,
Родство - с восторгом обнимает,

А Искренность - сей стих поет!
Любезная моя Аглая,
Я вижу ангела в тебе!
Но если счастием картины
Твое я сердце не прельстил,
Коль праздник сей тебе не мил,
Ты в этом первая причина!
Никто от радости рассудка не имел,
Ты только на себя вниманье обратила,
Я угостить тебя хотел,
А ты собой нас угостила!
Любезная моя Аглая,
Я вижу ангела в тебе!

Между 1809 и 1811

В АЛЬБОМ

На вьюке, в тороках, цевницу я таскаю,
Она и под локтем, она под головой;
Меж конских ног позабываю,
В пыли, на влаге дождевой...
Так мне ли ударять в разлаженные струны
И петь любовь, луну, кусты душистых роз?
Пусть загремят войны перуны,
Я в этой песне виртуоз!

1811

МОЯ ПЕСНЯ

Я на чердак переселился:
Жить выше, кажется, нельзя!
С швейцаром, с кучером простился
И повара лишился я.
Толпе заимодавцев знаю
И без швейцара дать ответ;
Я сам дверь важно отворяю
И говорю им: "Дома нет!"
В дни праздничные для катанья
Готов извозчик площадной,
И будуар мой, зала, спальня -
Вместились в горнице одной.
Гостей искусно принимаю:
Глупцам - показываю дверь,
На стул один - друзей сажаю,
А миленькую... на постель.
Мои владенья необъятны:
В окрестностях столицы сей

Все мызы, где собранья знатны,
Где пир горой, толпа людей.
Мои все радости - в стакане,
Мой гардероб лежит в ряду,
Богатство - в часовом кармане,
А сад - в Таврическом саду.
Обжоры, пьяницы! хотите
Житье-бытье мое узнать?
Вы слух на песнь мою склоните
И мне старайтесь подражать.
Я завтрак сытный получаю
От друга, только что проснусь;
Обедать - в гости уезжаю,
А спать - без ужина ложусь.
О богачи! не говорите,
Что жизнь несчастлива моя.
Нахальству моему простите,
Что с вами равен счастьем я.
Я кой-как день переживаю -
Богач роскошно год живет...
Чем кончится? И я встречаю,
Как миллионщик, новый год.

1811

1811-го ГОДУ

Толстой* молчит! - неужто пьян?
Неужто вновь закуролесил?
Нет, мой любезный грубиян
Туза бы Дризену отвесил.
Давно б о Дризене читал;
И битый исключен из списков -
Так, видно, он не получал
Толстого ловких зубочистков.
Так, видно, мой Толстой не пьян.

1811

* Толстой Федор Иванович (Американец) - хороший приятель Давыдова. - Прим.
ред.

К Е. Ф. С-НУ, УБЕЖДАВШЕМУ МЕНЯ НАПИСАТЬ ЕМУ ЧТО-НИБУДЬ

Рушитель лени моей,
Оставь дремать меня в покое
Среди моих беспечных дней;
Позволь мне время золотое
Заботами не возмущать!
Я славы не хочу искать;

Хочу покоиться всечасно,
Лежа в постеле, размышлять
И век лениться сладострастно!

1813

В. А. ЖУКОВСКОМУ

Жуковский, милый друг! Долг красен платежом:
Я прочитал стихи, тобой мне посвященны;
Теперь прочти мои, биваком окуренны
И спрысканны вином!
Давно я не болтал ни с музой, ни с тобою,
До стоп ли было мне?..

.....
Но и в грозах войны, еще на поле бранном,
Когда погас российский стан,
Тебя приветствовал с огромнейшим стаканом
Кочующий в степях нахальный партизан!

1814

К МОЕЙ ПУСТЫНЕ

Пустыня тихая, сует уединенна,
В тебе я позабыл все горести мои!
Но будь ты на холмах Аи, -
Тогда была бы совершенна!

1814

* * *

Гериков! прочитал твое я сочиненье,
Оно утешило мое уединенье;
Я несколько часов им душу восхищал:
Приятно видеть в нем, что сердцу благородно,
Что пылкий дух любви к отечеству внушал, -
Ты чтешь отечество, и русскому то сродно:
Он ею славу, честь, бессмертие достал.

1814

ЭЛЕГИЯ I

Возьмите меч - я недостойн брани!
Сорвите лавр с чела - он страстью помрачен!
О боги Пафоса, окуйте мощны длани
И робким пленником в постыдный риньте плен!
Я - ваш! И кто не воспылает!
Кому не пишется любовью приговор,

Как длинные она ресницы подымает,
И пышет страстью взор!
Когда харитой улыбнется,
Или в ночной тиши
Воздушным призраком несется,
Иль, непреклонная, над чувствами смеется
Обуреваемой души!
О вы, которые здесь прелестями гордитесь!
Не вам уж более покорствуется любовь,
Взгляните на нее и сердцем содрогнитесь:
Она - владычица и смертных и богов!
Ах! пусть бог Фракии мне срамом угрожает
И, потрясая лавр, манит еще к боям, -
Воспитанник побед прах ног ее лобзает
И говорит прости! торжественным венкам...
Но кто сей юноша блаженный,
Который будет пить дыханье воспаленно
На тающих устах,
Познает мленье чувств в потупленных очах...
И на груди ее воздремлет утомленный?
Чего ему тогда останется желать?
Чего искать ему? - он все уже имеет!
Он выше всех царей достоин восседать!
Он бог, пред коим мир, склонясь, благоговеет!

1805-1814

ЭЛЕГИЯ II

Пусть бога-мстителя могучая рука
На теме острых скал, под вечными снегами,
За ребра прикует чугунными цепями
Того, кто изобрел ревнивого замка
Закрепы звучные и тяжкими вратами,
За хладными стенами,
Красавиц заточил в презрении к богам!

Где ты, рожденная к восторгам, торжествам,
И к радостям сердец, и к счастью юной страсти,
Где ты скрываешься во цвете ранних лет,
Ты, дева горести, воспитанница бед,
Смиренная раба неумолимой власти!

Увижу ли тебя, услышу ль голос твой?
И долго ль в мрачности ночной
Мне с думой горестной, с душой осиротелой
Бродить вокруг обители твоей,
Угадывать окно, где ты томишься в ней,
Меж тем как снежный вихрь крутит среди полей
И свищет резкий ветер в власах оледенелых!
Ах! может быть, к окну влекомая судьбой

Или предчувствием каким неизъяснимым,
Ты крадешься к нему, когда мучитель твой,
Стан гибкий обхватя, насильственной рукой
Бросает трепетну к подругам торопливым!

Восстань, о бог богов! Да пламенной рекой
Твой гнев жестокой и правдивой
Обрушится с небес на зданье горделиво,
Темницу адскую невинности молодой;
И над строптивою преступника главой
Перуны ярые со треском разразятся!
Тот, кто осмелится бесчувственно касаться
До юных прелестей красавицы моей,
Тот в буйной дерзости своей
И лик священный твой повергнет раздробленный,
И рушит алтари, тебе сооруженны!
А ты, любимица богов,
Ты бедствий не страшись - невидимый покров
Приосенит тебя от бури разъяренной,
Твой спутник - бог любви: стезею потаенной
Он провести прекрасную готов
От ложи горести до ложа наслажденья...

О, не чуждайся ты благого поученья
Бессмертного вождя! Учись во тьме ночной,
Как между стражами украдкой пробираться,
Как мягкою стопой чуть до полу касаться
И ошупью идти по лестнице крутой;
Дерзай! Я жду тебя, кипящий нетерпеньем!
Тебе ль, тебе ль платить обидным подозреньем
Владыке благ земных? Ты вспомни, сколько раз
От бдительных моих и ненасытных глаз
Твой аргус в трепетном смущенье
Тебя с угрозой похищал
И тайным влек путем обратно в заточенье!..

Все тщетно! Я ему стезю пересекал.
Крылатый проводник меня предупреждал
И путь указывал мне прежде неизвестный.
Решись без робости, о сердца друг прелестный!
Не медли: полночь бьет,
И угасаючи лампы закурились,
И стражи грозные во мраке усыпились...
И руку бог любви прекрасной подает!

1805-1814

* * *

Ахтырские гусары,
О храбрые друзья!
Простите! - на удары

И бранные пожары
Ходить не буду я!
Довольно пламень ярый
"....."
Вот кивер мой
Примите от меня
.....

1815

ЭЛЕГИЯ III

О милый друг, оставь угадывать других
Предмет, сомнительный для них,
Тех песней пламенных, в которых, восхищенный
Я прославлял любовь, любовью распаленный!
Пусть ищут, для кого я в лиру ударял,
Когда поэтов в хоре
Российской Терпсихоре
Восторги посвящал!
Но ты не в заблужденье,
Кого в воображенье
Я розами венчал,
Чьи длинные ресницы
Звук стройных цевницы
Потомству предавал!
И мне ли огонь желанья
В других воспламенять,
Мне ль нового искать
В любви очарованья?
Я страстен лишь тобой!..
Под именем другой
Тебя лишь славят струны,
И для тебя одной
Бросаю в вражий строй
Разящие перуны!
Восторгом упоен,
Века предупреждаю
И, миртом осенен,
Бессмертие вкушаю.

1815

ДРУГУ-ПОВЕСЕ*

Болтун красноречивый,
Повеса дорогой!
Оставим свет шумливый
С беспутной суетой.
Пусть радости игривы,
Амуры шаловливы,

И важных муз синклит,
И триада харит
Украсят день счастливый!
Друг милый, вечерком
Хоть на часок покинем
Вельмож докучный дом
И к камельку подвинем
Диваны со столом,
Плодами и вином
Роскошно покровенным
И гордо отягченным
Страсбургским пирогом.
К нам созван круг желанный
Отличных сорванцов,
И, плющем увенчанны,
Владельцы острых слов.
Мы Вакховых даров
Потянем сок избранный!
Прошу тебя забыть
Нахальную уловку,
И крепс, и понтировку,
И страсть людей губить,
А лучше пригласить
Изменницу, плутовку,
Которую любить
До завтра, может быть,
Вчера ты обещался.
Проведавши мой зов,
На пир ко мне назвался
Эрот, сей бог богов.
Веселых шалунов
Любимец и любитель,
Мой грозный повелитель
До серебряных власов.
Я место назначаю
Почетное ему,
По сану и уму:
Прекрасного сажая
Близ гостыи молодой
И тяжкий кубок мой
Чете препоручаю.
И пробка полетит
До потолка стрелою,
И пена зашумит
Сребристую струею
Под розовой рукою
Резвейших из харит!
Так время пробежит
Меж радостей небесных, -
А чтоб хмельнее быть,
Давай здоровье пить

Всех ветрениц известных!

1815

* Обращено к Ф. И. Толстому. - Прим. ред.

ПЕСНЯ

Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской,
С вами век мне золотой!
 Я люблю кровавый бой,
 Я рожден для службы царской!

За тебя на черта рад,
Наша матушка Россия!
Пусть французишки гнилые
К нам пожалуют назад!
 За тебя на черта рад,
 Наша матушка Россия!

Станем, братцы, вечно жить
Вкруг огней, под шалашами,
Днем - рубиться молодцами,
Вечерком - горелку пить!
 Станем, братцы, вечно жить
 Вкруг огней, под шалашами!

О, как страшно смерть встречать
На постеле господином,
Ждать конца под балдахином
И всечасно умирать!
 О, как страшно смерть встречать
 На постеле господином!

То ли дело средь мечей!
Там о славе лишь мечтаешь,
Смерти в когти попадаешь,
И не думая о ней!
 То ли дело средь мечей:
 Там о славе лишь мечтаешь!

Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской,
С вами век мне золотой!
 Я люблю кровавый бой,
 Я рожден для службы царской!

1815

ОТВЕТ НА ВЫЗОВ НАПИСАТЬ СТИХИ

Вы хотите, чтоб стихами
Я опять заговорил,
Но чтоб новыми стезями
Верх Парнаса находил:
Чтобы славил нежны розы,
Верность женския любви,
Где трескучие морозы
И кокетства лишь одни!
Чтоб при ташке в доломане*
Посошок в руке держал
И при грозном барабане
Чтоб минором воспевал.
Неужель любить не можно,
Чтоб стихами не писать?
И, любя, ужели должно
Чувства в рифмы оковать?
По кадансу кто вздыхает,
Кто любовь в цветущий век
Лишь на стопы размеряет,
Тот - прежалкий человек!
Он влюбился - и поспешно
Славит милую свою;
Возрыдая безутешно,
Говорит в стихах: "Пою!"
От парнасского паренья
Беспокойной головы
Скажет также, без сомненья,
И жестокая: "Увы!"
Я поэзией небесной
Был когда-то вдохновен.
Дар божественный, чудесный,
Я навек тебя лишен!
Лизой душу занимая,
Мне ли рифмы набирать!
Ах, где есть любовь прямая,
Там стихи не говорят!..

1816

*Доломан- гусарская куртка, на которую накидывается ментик. - Прим. ред.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ЖЕНЩИНА

Что она? - Порыв, смятенье,
И холодность, и восторг,
И отпор, и увлеченье,
Смех и слезы, черт и Бог,

Пыл полуденного лета,
Урагана красота,
Исступленного поэта
Беспокойная мечта!
С нею дружба - упоенье...
Но спаси, Создатель, с ней
От любовного сношенья
И таинственных связей!
Огненна, славолюбива,
Я ручаюсь, что она
Неотвязчива, ревнива,
Как законная жена!

1816

ЭЛЕГИЯ IV

В ужасах войны кровавой
Я опасности искал,
Я горел бессмертной славой,
Разрушением дышал;
И, в безумстве упоенный
Чадом славы бранных дел,
Посреди грозы военной
Счастье найти хотел!..
Но, судьбой гонимый вечно,
Счастья нет! подумал я...
Друг мой милый, друг сердечный,
Я тогда не знал тебя!
Ах, пускай герой стремится
За блистательной мечтой
И через кровавый бой
Свежим лавром осенится...
О мой милый друг! с тобой
Не хочу высоких званий,
И мечты завоеваний
Не тревожат мой покой!
Но коль враг ожесточенный
Нам дерзнет противустать,
Первый долг мой, долг священный
Вновь за родину восстать;
Друг твой в поле появится,
Еще саблею блеснет,
Или в лаврах возвратится,
Иль на лаврах мертв падет!..
Полумертвый, не престану
Биться с храбрыми в ряду,
В память Лизу приведу...
Встрепенусь, забуду рану,
За тебя еще восстану
И другую смерть найду!

ЭЛЕГИЯ V

Все тихо! и заря багряною стопой
 По синеве небес безмолвно пробежала...
 И мгла, что гор хребты и рощи покрывала,
 Волнуясь, стелется туманною рекой
 По лугу пестрому и ниве молодой.
 Блаженные часы! Весь мир в отдохновенье!
 Еще зефиры спят на дремлющих листьях,
 Еще пернатые покоятся в кустах,
 И все безмолвствует в моем уединенье...
 Но, боги! Неужель вы с мира тишиной
 И чувств души моей порывы усмирили?
 Ужели и во мне господствует покой?..
 Уже, о счастье! не вижу пред собой
 Я призрак грозный, вечно милый,
 Которого нигде мой взор не покидал...
 Нигде! ни в шумной сече боя,
 Ни в бранных игрищах военного покоя!..
 О ты, что я в тоске на помощь призывал,
 Бесчувствие! О дар рассудка драгоценный,
 Ты, вняв мольбе моей смиренной,
 Нисходишь наконец спасителем моим.
 Я погибал... Тобой одним
 Достигнул берега, и с мирных вершины
 Смотрю бестрепетно, грозою невредим,
 На шумные валы бездонных пучины!..
 А ты, с кем некогда делился я душой
 И кем душа моя в мученьях истощилась...
 Утешься: ты забыта мной!..
 Но, ах, почто слезой ланита окропилась?
 О слезы пламенны, теките! Я свои
 Минуты радости от сих минут считаю
 И вас не от любви,
 Но от блаженства проливаю!

ЭЛЕГИЯ VI

О ты, смущенная присутствием моим,
 Спокойся: я бегу в пределы отдаленны!
 Пусть избранный тобой вкушает дни блаженны,
 Пока судьбой храним.
 Но, ах! Не мысли ты, чтоб новые восторги
 И спутник счастливый твоих весенних дней

Изгладили меня из памяти твоей!..
О нет! Есть суд небес и справедливы боги!
Душевные радости, делимые со мной,
Воспоминания протекших упований
И сладкие часы забвенья и мечтаний,
И я, я сам явлюсь тревожить твой покой!
Но уж не в виде том, как в дни мои счастливы,
Когда - смущенный, торопливый -
Я плакал без укор, без гнева угрожал
И за вину твою - любовник боязливый -
Себе у ног твоих прощения искал!
Нет, нет! Явлюсь опять, но как посланник мщенья,
Но как каратель преступления,
Свиреп, неумолим везде перед тобой:
И среди общества блистательного круга,
И среди семьи твоей, где ты цветешь душой,
В уединении, в объятиях супруга,
Везде, везде в твоих очах
Грозящим призраком, с упреком на устах!
Но нет!.. О, гнев меня к упрекам не принудит:
Чья мертвая душа тобой оживлена,
Тот благости твои век, век не позабудет!
Его богам молитва лишь одна:
Да будет счастлива она!..
Но вряд ли счастье твоим уделом будет!

1816

ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД ИЗ ПАРНИ

Сижу на берегу потока,
Бор дремлет в сумраке; все спит вокруг, а я
Сижу на берегу - и мыслию далеко,
Там, там... где жизнь моя!.. И меч в руке моей мутит струи потока.
Сижу на берегу потока,
Снедаем ревностью, задумчив, молчалив...
Не торжествуй еще, о ты, любимец рока!
Ты счастлив - но я жив... И меч в руке моей мутит струи потока.
Сижу на берегу потока... Вздохнешь ли ты о нем, о друг, неверный друг...
И точно ль он любим? - ах, эта мысль жестока!..
Кипит отмщеньем дух, И меч в руке моей мутит струи потока.

1817

ЛОГИКА ПЬЯНОГО

Под вечерок Хрунов из кабачка Сова,
Бог ведает куда, по стенке пробирался;
Шел, шел и рухнулся. Народ расхохотался.
Чему бы, кажется? Но люди таковы!
Однако ж кто-то из толпы -

Почтенный человек! - помог ему подняться
И говорит: "Дружок, чтоб впредь не спотыкаться,
Тебе не надо пить..." -
"Эх, братец! все не то: не надо мне ходить!"

1817

НА МОНУМЕНТ ПОЖАРСКОГО

Так правосудная Россия награждает!
О зависть, содрогнись, сколь бремен твой оплот!
Пожарский оживает -
Смоленский оживет!

1817

НЕВЕРНОЙ

Неужто думаете вы,
Что я слезами обливаюсь,
Как бешеный кричу: увы!
И от измены изменяюсь?
Я тот же атеист в любви,
Как был и буду, уверяю;
И чем рвать волосы свои,
Я ваши - к вам же отсылаю.
А чтоб впоследствии не быть
Перед наследником в ответе,
Все ваши клятвы: век любить -
Ему послал по эстафете.
Простите! Право, виноват!
Но если б знали, как я рад
Моей отставке благодатной!
Теперь спокойно ночи сплю,
Спокойно ем, спокойно пью
И посреди собратьи ратной
Вновь славу и вино пою.
Чем чахнуть от любви унылой,
Ах, что здоровей может быть,
Как подписать отставку милой
Или отставку получить!

1817

ПЕСНЯ СТАРОГО ГУСАРА

Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные,
Председатели бесед,
Собутыльники седые?

Деды, помню вас и я,

Испивающих ковшами
И сидящих вокруг огня
С красно-сизыми носами!

На затылке кивера
Доломаны до колена,
Сабли, ташки у бедра,
И диваном - кипа сена.

Трубки черные в зубах;
Все безмолвны, дым гуляет
На закрученных висках
И усы перебегает.

Ни полслова... Дым столбом...
Ни полслова... Все мертвецки
Пьют и, преклонясь челом,
Засыпают молодецки.

Но едва проглянет день,
Каждый по полю порхает;
Кивер зверски набекрень,
Ментик с вихрями играет.

Конь кипит под седоком,
Сабля свищет, враг валится.
Бой умолк, и вечерком
Снова ковшик шевелится.

А теперь что вижу? -
Страх! И гусары в модном свете,
В вицмундирах, в башмаках,
Вальсируют на паркете!

Говорят, умней они...
Но что слышим от любого?
Жомини да Жомини!*

А об водке - ни полслова!

Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные,
Председатели бесед,
Собутыльники седые?

1817

* Жомини Антуан Анри (1779-1869) - военный теоретик и историк. - Прим. ред.

Нет! полно пробегать с улыбкою любви
Перстами легкими цевницу золотую:
Пускай другой поет и радости свои,
И жизни счастливой подругу дорожую...
Я одинок - как цвет степей,
Когда, колеблемый грозой освирепелой,
Он клонится к земле главой осиротелой
И блекнет среди цветущих дней!
О боги, мне ль сносить измену надлежало!
Как я любил! - В те красные лета,
Когда к рассеянью все сердце увлекало,
Везде одна мечта,
Одно желание меня одушевляло.
Все чувство бытия лишь ей принадлежало!
О Лиза! сколько раз на Марсовых полях,
Среди грозы боев я, презирая страх,
С воспламененною душою
Тебя, как Бога, призывал
И в пыл сраженья мчал
Крылатые полки железною стеною!..
Кто понуждал меня, скажи,
От жизни радостной на жадну смерть стремиться?
Одно, одно мечтание души,
Что славы луч моей на милой отразится,
Что, может быть, венок, приобретенный мной
В боях мечом нетерпеливым,
Покроет лавром горделивым
Чело стыдливое подруги молодой!
Не я ли, вдохновен, касался струн согласных
И пел прекрасную!.. Еще Москва полна
Моих, в стихах, восторгов страстных;
И если ты еще толпой окружена
Соперниц, завистью смущенных,
И милых юношей, любовью упоенных, -
Неблагодарная! не мне ль одолжена
Ты торжеством своим?.. Пусть пламень пожирает,
Пусть шумная волна навеки поглощает
Стихи, которыми я Лизу прославлял!..
Но нет! Изменницу весь мир давно узнал, -
Бессмертие ее уделом остается:
Забудут, что покой я ею потерял,
И до конца веков, среди плесков и похвал,
Неверной имя пронесется!
А я? - Мой жребий: пасть в боях
Мечом победы пораженным:
И, может быть, врагом влеченным на полях,
Чертить кремнистый путь челом окровавленным...
Так! Я паду в стране чужой,
Далеко родины, изгнанником невинным;
Никто не окропит холодный труп слезой...
И разбросает ветер мой прах с песком пустынным!

1817

ЭЛЕГИЯ VIII

О, пощади! Зачем волшебство ласк и слов,
Зачем сей взгляд, зачем сей вздох глубокой,
Зачем скользит небрежно покров
С плеч белых и с груди высокой?
О, пощади! Я гибну без того,
Я замираю, я немею
При легком шорохе прихода твоего;
Я, звуку слов твоих внимая, цепенею;
Но ты вошла... и дрожь любви,
И смерть, и жизнь, и бешенство желанья
Бегут по вспыхнувшей крови,
И разрывается дыханье!
С тобой летят, летят часы,
Язык безмолвствует... одни мечты и грезы,
И мука сладкая, и восхищенья слезы...
И взор впился в твои красы,
Как жадная пчела в листок весенней розы.

1817

ЭЛЕГИЯ IX

Два раза я вам руку жал;
Два раза молча вы любовью вздохнули...
И девственный огонь ланиты пробежал,
И в пламенной слезе ресницы потонули!
Неужто я любим? - Мой друг, мой юный друг,
О, усмири последним увереньем
Еще колеблемый сомненьем
Мой пылкий, беспокойный дух!
Скажи, что сердца ты познала цену мною,
Что первого к любви биения его
Я был виновником!.. Не надо ничего -
Ни рая, ни земли! Мой рай найду с тобою.
.....
Погибните навек, мечты предрассуждений,
И ты, причина заблуждений,
Чад упоительный и славы и побед!
В уединении спокойный домосед
И мирный семьянин, не постыжусь порою
Поднять смиренный плуг солдатскою рукою
Иль, поселян в кругу, в день летний, золотой
Взмахнуть среди лугов железною косой.
Но с кем сравню себя, как, в поле утомленный,
Я возвращусь под кров, дубами осененный,
Увижу юную подругу пред собой -

С плодами зрелыми, с водою ключевой
И с соком пенистым донского винограда.
Когда вечерние часы - трудов отрада
На ложе радости.

.....

.....

Я часто говорю, печальный, сам с собою:
О, сбудется ль когда мечтаемое мною?
Иль я определен в мятежной жизни сей
Не слышать отзыва нигде душе моей!

1817

РЕШИТЕЛЬНЫЕ ВЕЧЕР

Сегодня вечером увижусь я с тобою,
Сегодня вечером решится жребий мой,
Сегодня получу желаемое мною -
Иль абшид* на покой!

А завтра - черт возьми! - как зюзя натянуся,
На тройке ухарской стрелою полечу;
Проспавшись до Твери, в Твери опять напьюся,
И пьяный в Петербург на пьянство прискачу!

Но если счастье назначено судьбою
Тому, кто целый век со счастьем незнаком,
Тогда... о, и тогда напьюсь свинья свиньею
И с радости пропью прогоны с кошельком!

1818

* Абшид- отставка. - Прим. ред.

ЛИСТОК

Листок иссохший, одинокой,
Пролетный гость степи широкой,
Куда твой путь, голубчик мой? -
"Как знать мне! Налетели тучи,
И дуб родимый, дуб могучий
Сломили вихрем и грозой.
С тех пор, игралище Борея,
Не сетуя и не робея,
Ношусь я, странник кочевой,
Из края в край земли чужой:
Несусь, куда несет суровый,
Всеми неизбежимый рок,
Куда летит и лист лавровый
И легкий розовый листок!"

Конец 1810-х - начало 1820-х гг.

БОГОМОЛКА

Кто знает нашу богомолку,
Тот с ней узнал наедине,
Что взор плутовки втихомолку
Поет акафист* сатане.

Как сладко с ней играть глазами,
Ниц падая перед крестом,
И окаянными словами
Перерывать ее псалом!

О, как люблю ее ворчанье:
На языке ее всегда
Отказ идет как обещанье -
Нет на словах, на деле да.

И, грешница, всегда сначала
Она завопит горячо:
"О, варвар! изверг! я пропала!",
А после: "Милый друг, еще..."

Конец 1810-х - начало 1820-х гг.

* Восхваление. - Прим. ред.

* * *

Счастлив, кто заплатил щедротой за щедроту, -
Счастливей, кто расквасил харю Роту*.

1820-е гг.

* Рот Логин Осипович (1780-1851) - генерал, командир 3-й гренадерской дивизии, отличавшийся жестокостью и несправедливостью. - Прим. ред.

ГУСАР

Напрасно думаете вы,
Чтобы гусар, питомец славы,
Любил лишь только бой кровавый
И был отступником любви.
Амур не вечно пастушком
В свирель без умолка играет:

Он часто, скучив посошком,
С гусарской саблею гуляет;
Он часто храбрости огонь
Любовным пламенем питает -
И тем милей бывает он!
Он часто с грозным барабаном
Мешает звук любовных слов;
Он так и нам под доломаном
Вселяет зверство и любовь.
В нас сердце не всегда желает
Услышать стон, увидеть бой...
Ах, часто и гусар вздыхает,
И в кивере его весной
Голубка гнездышко свивает...

1822

ЭПИТАФИЯ

Под камнем сим лежит Мосальский* тощий:
Он весь был в немощи - теперь попал он в мощи.

1822

* Князь Кольцов-Мосальский А. А. (ум. 1843) - московский сенатор. - Прим. ред.

ВЕЧЕР В ИЮНЕ

Томительный, палящий день
Сгорел; полупрозрачна тень
Немого сумрака приосеняла дали.
Зарницы бегали за синею горой,
И, окропленные росой,
Луга и лес благоухали.
Луна во всей красе плыла на высоту,
Таинственным лучом мечтания питая,
И, преклонясь к лавровому кусту,
Дышала роза молодая.

1826

ОТВЕТ

Я не поэт, я - партизан, казак.
Я иногда бывал на Пинде, но наскоком,
И беззаботно, кое-как,
Раскидывал перед Кастальским током
Мой независимый бивак.

Нет, не наезднику пристало
Петь, в креслах развалиясь, лень, негу и покой.
Пусть грянет Русь военной грозой -
Я в этой песни запеваю!

1826

ПАРТИЗАН
Отрывок

Умолкнул бой. Ночная тень
Москвы окрестность покрывает;
Вдали Кутузова курень
Один, как звездочка, сверкает.
Громада войск во тьме кипит,
И над пылающей Москвою
Багрово зарево лежит
Необозримой полосой.

И мчится тайною тропой
Воспрянувший с долины битвы
Наездников веселый рой
На отдаленные ловитвы.
Как стая алчущих волков,
Они долинами витают:
То внемлют шороху, то вновь
Безмолвно рыскать продолжают.

Начальник, в бурке на плечах,
В косматой шапке кабардинской,
Горит в передовых рядах
Особой яростью воинской.
Сын белокаменной Москвы,
Но рано брошенный в тревоги,
Он жаждет сечи и молвы,
А там что будет - вольны боги!

Давно не знаем им покой,
Привет родни, взор девы нежный;
Его любовь - кровавый бой,
Родня - донцы, друг - конь надежный,
Он чрез стремнины, чрез холмы
Отважно всадника проносит,
То чутко шевелит ушми,
То фыркает, то удила просит.

Еще их скок приметен был
На высях за преградной Нарой,
Златимых отблеском пожара,
Но скоро буйный рой за высь перекатил,
И скоро след его простыл...

ПОЛУСОЛДАТ

"Нет, братцы, нет: полусолдат
Тот, у кого есть печь с лежанкой,
Жена, полдюжины ребят,
Да щи, да чарка с запеканкой!

Вы видели: я не боюсь
Ни пуль, ни дротика куртинца;
Лечу стремглав, не дуя в ус,
На нож и шашку кабардинца.

Все так! Но прекратился бой,
Холмы усыпались огнями,
И хохот обуял толпой,
И клики вторятся горами,

И все кипит, и все гремит;
А я, меж вами одинокой,
Немою грустию убит,
Душой и мыслию далеко.

Я не внимаю стуку чаш
И спорам вокруг солдатской каши;
Улыбки нет на хохот ваш;
Нет взгляда на проказы ваши!

Таков ли был я в век золотой
На буйной Висле, на Балкане,
На Эльбе, на войне родной,
На льдах Торнео, на Секване?

Бывало, слово: друг, явись!
И уж Денис с коня слезает;
Лишь чашей стукнут - и Денис
Как тут - и чашу осушает.

На скачку, на борьбу готов,
И, чтимый выродком глупцами,
Он, расточитель острых слов,
Им хлещет прозой и стихами.

Иль в карты бьется до утра,
Раскинувшись на горской бурке;
Или вокруг светлого костра
Танцует с девками мазурки.

Нет, братцы, нет: полусолдат

Тот, у кого есть печь с лежанкой,
Жена, полдюжины ребят,
Да щи, да чарка с запеканкой!"

Так говорил наездник наш,
Оторванный судьбы веленьем
От крова мирного - в шалаш,
На сечи, к пламенным сраженьям.

Аракс шумит, Аракс шумит,
Араксу вторит ключ нагорный,
И Алагез*, нахмурясь, спит,
И тонет в влаге дол узорный;

И веет с пурпурных садов
Зефир восточным ароматом,
И сквозь серебристых облаков
Луна плывет над Араратом.

Но воин наш не упоен
Ночную роскошью полуденного края...
С Кавказа глаз не сводит он,
Где подпирает небосклон Казбека** груды снеговая...

На нем знакомый вихрь, на нем громады льда,
И над челом его, в тумане мутном,
Как Русь святая, недоступном,
Горит родимая звезда.

1826

* Заоблачная гора на границе Эриванской области. - Прим. Давыдова.

** Одна из высочайших гор Кавказского хребта. - Прим. Давыдова.

ТОВАРИЩУ 1812 ГОДА НА ПУТИ В АРМИЮ

Мы оба в дальний путь летим, товарищ мой,
Туда, где бой кипит, где русский штык бушует,
Но о тебе любовь горюет...
Счастливец! о тебе - я видел сам - тоской
Заныли... влажный взор стремился за тобой;
А обо мне хотя б вздохнули,
Хотя б в окошечко взглянули,
Как я на тройке проскакал
И, позабыв покой и негу,
В курьерску завалясь телегу,
Гусарские усы слезами обливал.

1826

ТОСТ НА ОБЕДЕ ДОНЦОВ

Брызни искрами из плена,
Радость, жизнь донских холмов!
Окропи, моя любовь,
Черный ус мой белой пеной!
Друг народа удалого,
Я стакан с широким дном
Осушу одним глотком
В славу воинства донского!

Здравствуйте, братцы атаманы-молодцы!

1826

НА СМЕРТЬ NN

Гонители, он - ваш! Вам плески и хвала!
Терзайте клеветой его дела земные,
Но не сорвать венка вам с славного чела,
Но не стереть с груди вам раны боевые!

1827

ОТВЕТ ЖЕНАТЫМ ГЕНЕРАЛАМ, СЛУЖАЩИМ НЕ НА ВОЙНАХ

Да, мы несем едино бремя,
Мы стада одного - но жребий мне иной:
Вас всех назначили на племя,
Меня - пустили на убой.

1827

ПРИ ВИДЕ МОСКВЫ, ВОЗВРАЩАЯСЬ С ПЕРСИДСКОЙ ВОЙНЫ

О юности моей гостеприимный кров!
О колыбель надежд и грез честолюбивых!
О, кто, кто из твоих сынов
Зрел без восторгов горделивых
Красу реки твоей, волшебных берегов,
Твоих палат, твоих садов,
Твоих холмов красноречивых!

1827

ЗАЙЦЕВСКОМУ, ПОЭТУ-МОРЯКУ

Счастливый Зайцевский, Поэт и Герой!
Позволь хлебопашцу-гусару
Пожать тебе руку солдатской рукой

И в честь тебе высушить чару.
О, сколько ты славы готовишь России,
Дитя удалое свободной стихии!

Лавр первый из длани камены младой
Ты взял на парнасских вершинах;
Ты, собственной кровью омытый, другой
Сорвал на гремящих твердынях;
И к третьему, с лаской вдали колыхая,
Тебя призывает пучина морская.

Мужайся! - Казарский, живой Леонид,
Ждет друга на новый пир славы...
О, будьте вы оба Отечества щит,
Перун вековечной Державы!
И гимны победы с ладей окрыленных
Пусть искрами брызнут от струн вдохновенных!

Давно ль под мечами, в пылу батарей,
И я попирал дол кровавый,
И я в сонме храбрых, у шумных огней,
Наш стан оглашал песнью славы?..
Давно ль... Но забвеньем судьба меня губит,
И лира немеет, и сабля не рубит.

1828

БОРОДИНСКОЕ ПОЛЕ

Элегия

Умолкшие холмы, дол некогда кровавый,
Отдайте мне ваш день, день вековечной славы,
И шум оружия, и сечи, и борьбу!
Мой меч из рук моих упал. Мою судьбу
Попрали сильные. Счастливы горделивы
Невольным пахарем влекут меня на нивы...
О, ринь меня на бой, ты, опытный в боях,
Ты, голосом своим рождающий в полках
Погибели врагов предчувственные клики,
Вождь гомерический, Багратион великий!
Простри мне длань свою, Раевский, мой герой!
Ермолов! я лечу - веди меня, я твой:
О, обреченный быть побед любимым сыном,
Покрой меня, покрой твоих перунов дымом!

Но где вы?.. Слушаю... Нет отзыва! С полей
Умчался брани дым, не слышен стук мечей,
И я, питомец ваш, склоняюсь главой у плуга,
Завидую костям соратника иль друга.

ДУШЕНЬКА

Она еще не менее хороша для глаз, все обнимающих во мгновении и на мгновение, - как для души, которая чем больше ищет, тем более находит.

Жуковский

Бывали ль вы в стране чудес,
Где, жертвой грозного веленья,
В глуши земного заточенья
Живет изгнанница небес?

Я был, я видел божество;
Я пел ей песнь с восторгом новым
И осенил венком лавровым
Ее высокое чело.

Я, как младенец, трепетал
У ног ее в уничиженье
И омрачить богослуженье
Преступной мыслью не дерзал.

Ах, мне ль божественной к стопам
Несть обольщения искусство?
Я весь был гимн, я весь был чувство,
Я весь был чистый фимиам.

И что ей наш земной восторг,
Слова любви? - Пустые звуки!
Она чужда сердечной муки,
Чужда томительных тревог.

Из-под ресниц ее густых
Горит и гаснет взор стыдливый...
Но отчего души порывы
И вздохи персей молодых?

Был миг: пролетная мечта
Скользнула по челу прекрасной,
И вспыхнули ланиты страстно,
И загорелися уста.

Но это миг - игра одна
Каких-то дум... воспоминанье
О том небесном обитанье,
Откуда изгнана она.

Иль, скучась без нее, с небес
Воздушный гость, незримый мною,
Амур с повинной головою

Предстал, немеющий от слез.

И очи он возвел к очам
И пробудил в груди волненья
От жарких уст прикосновенья
К ее трепещущим устам.

1829

С. А. К<УШКИ>НОЙ*

Вы личиком - пафосский бог,
Вы молоды, вы стройны, как Аглая,
Но я гусар... я б вас любить не мог,
Простите: для меня вы слишком неземная.
К вам светской страстью, как к другой,
Гореть грешно! -
С восторженной душой
Мы вам, как божеству, несем кадил куренье,
Обеты чистые, и гимны, и моленье!

1829

* Софья Александровна Кушкина - соседка по симбирскому имению, поклонником красоты которой был Давыдов. - Прим. ред.

NN

Вы хороши! - Каштановой волной
Ваш локон падает на свежие ланиты;
Как мил ваш взор полузакрытый,
Как мил ваш стан полунагой!
Не вы ль оригинал живой
Очаровательной хариты,
Кановы созданной рукой?
Вы хороши! - Но мой покой
Неколебим. Осанка величава,
Жеманная тоска искусственной любви
Не страшны мне: моя отравка -
Взор вдохновительный и слово от души.
Я их ищу давно, давно не обретая.
Вам не сродни крылатый бог:
Жизнь ваша - стрелка часовая,
А рифметический итог.
Но та, которую люблю, не называя...
Ах, та вся чувство, вся - восторг,
Как Пиндара строфа живая!

1829

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН*

Вечерний звон, вечерний звон, -
Как много дум наводит он!
Не тот, что на закате дня
Гудит в стенах монастыря,
Но тот, что пасмурной порой
Поется девой молодой...
Вечерний звон, вечерний звон, -
Как много дум наводит он!

Как он мучителен и мил!
Как он мне чувства возмутил,
Когда впервые звук его
Коснулся слуха моего!..
То был не звук, но глас страстей,
То говор был с душой моей!
Вечерний звон, вечерний звон, -
Как много дум наводит он!

Все вторило в природе ей:
Луна средь облачных зыбей,
Пустыня в сумрачной тиши
И ропот девственной души,
Терзаемой любви тоской,
И очи, полные слезой!..
Вечерний звон, вечерний звон, -
Как много дум наводит он!

1830-е гг.

* Вариация на тему стихотворения И. И. Козлова "Вечерний звон". - Прим. ред.

МАША И МИША Шутка

Как интересна наша Маша!
Как исстрадалася по Мише!
Но отчего же ехать к Маше
Так медлит долговязый Миша?
Быть может, занимаясь Машей,
На сахарном заводе Миша
Готовит карамельки Маше, -
Но станется и то, что Миша
Забыл о нашей бедной Маше.
И, может быть, неверный Миша
Целует уж другую Машу,
Вы знаете какую, - Миша!
Опомнись, Миша! - наша Маша
Жива лишь памятью о Мише,

А новая красotka Маша
Грызет одни конфеты Миши -
Грызет, как их грызут все Маши
В провинциях, где ныне Миша,
И в ус не дует эта Маша,
Что слаще их лобзанья Миши!
Когда, когда же к нашей Маше
Ты возвратишься, длинный Миша,
И сквозь очки увидишь Машу -
Глядящую в лорнет на Мишу?..

1830-е гг.

ГЕРОЮ БИТВ, БИВАКОВ, ТРАКТИРОВ и Б...

Люблю тебя, как сабли лоск,
Когда, приосенясь фуражкой,
С виноточивою баклажкой
Идешь в бивачный мой киоск!

Когда, летая по рядам,
Горишь, как свечка, в дыме бранном;
Когда в б.....е окаянном
Ты лупишь сводню по щекам.

Киплю, люблюсь на тебя,
Глядя на прыть твою младую:
Так старый хрыч, цыган Илья,
Глядит на пляску удалую,
Под лад плечами шевеля.

О рыцарь! идол усачей!
Гордись пороками своими!
Чаруй с гусарами лихими
И очаровывай б....й!

1830 или 1831

ГОЛОДНЫЙ ПЕС

Ох, как храбрится
Немецкий фон,
Как горячится
Наш херр-барон,
Ну, вот и драка,
Вот лавров воз!

Хватай, собака,
Голодный пес.

Кипят и рдеют
На бой полки;
Знамена веют,
Горят штыки,
И забияка
Палаш вознес!
Хватай, собака,
Голодный пес.

Адрианополь
Без битв у ног,
Константинополь
В чаду тревог.
Что ж ты, зевака,
Повесил нос?
Хватай, собака,
Голодный пес.

Лях из Варшавы
Нам кажется шиш,
Что ж ты, шаршавый,
Под лавкой спишь?
Задай, лаяка,
Варшаве чес!
Хватай, собака,
Голодный пес.

"Все это жжется...
Я братъ привык,
Что так дается...
Царьград велик.
Боюсь я ляха!.."
А ты не бось!
Хватай, собака,
Российский пес.

Так вот кресченды
Звезд, лент, крестов,
Две-три аренды,
Пять-шесть чинов;
На шнапс, гуляка,
Вот денег воз!
Схватил собака,
Голодный пес.

1832

ГУСАРСКАЯ ИСПОВЕДЬ

Я каюсь! Я гусар давно, всегда гусар,
И с проседью усов - все раб молодой привычки.
Люблю разгульный шум, умов, речей пожар
И громогласные шампанского оттычки.
От юности моей враг чопорных утех -
Мне душно на пирах без воли и распашки.
Давай мне хор цыган! Давай мне спор и смех,
И дым столбом от трубочной затяжки!

Бегу век сборища, где жизнь в одних ногах,
Где благосклонности передаются весом,
Где откровенность в кандалах,
Где тело и душа под прессом;
Где спесь да подлости, вельможа да холоп,
Где заслоняют нам вихрь танца эполеты,
Где под подушками потеет столько ж...,
Где столько пуз затянуто в корсеты!

Но не скажу, чтобы в безумный день
Не погрешил и я, не посетил круг модный;
Чтоб не искал присесть под благодатну тень
Рассказчицы и сплетницы дородной;
Чтоб схватки с остряком бонтонным убегал,
Или сквозь локоны ланиты воспаленной
Я б шепотом любовь не напевал
Красавице, мазуркой утомленной.

Но то - набег, наскок; я миг ему даю,
И торжествуют вновь любимые привычки!
И я спешу в мою гусарскую семью,
Где хлопают еще шампанского оттычки.
Долой, долой крючки, от глотки до пупа!
Где трубки?.. Вейся, дым, на удалом раздолье!
Роскошествуй, веселая толпа,
В живом и братском своеволие!

1832

Ей

В тебе, в тебе одной природа, не искусство,
Ум обольстительный с душевной простотой,
Веселость резвая с мечтательной душой,
И в каждом слове мысль, и в каждом взоре чувство!

1833

NN

Вошла - как Психея, томна и стыдлива,
Как юная пери, стройна и красива...
И шепот восторга бежит по устам,
И крестятся ведьмы, и тошно чертям!

1833

ВАЛЬС

Ев. Д. З<олотаре>вой*

Кипит поток в дубраве шумной
И мчится скачущей волной,
И катит в ярости безумной
Песок и камень вековой.
Но, покорен красой неволью,
Кольшет ласково поток
Слетевший с берега на волны
Весенний, розовый листок.
Так бурей вальса не сокрыта,
Так от толпы отличена,
Летит, воздушна и стройна,
Моя любовь, моя харита,
Виновница тоски моей,
Моих мечтаний, вдохновений,
И поэтических волнений,
И поэтических страстей!

1834

* Золотарева Евгения Дмитриевна - дочь пензенских помещиков, с которой у Давыдова был продолжительный роман. - Прим. ред.

25 ОКТЯБРЯ

Я не ропщу. Я вознесен судьбою
Превыше всех! - Я счастлив, я любим!
Приветливость даруется тобою
Соперникам моим...
Но теплота души, но все, что так люблю я
С тобой наедине...

Но действительность живого поцелуя...
Не им, а мне!

1834

ЗАПИСКА, ПОСЛАННАЯ НА БАЛЕ

Тебе легко - ты весела,
Ты радостна, как утро мая,
Ты резвишься, не вспоминая,
Какую клятву мне дала...
Ты права. Как от упоенья,
В чаду кадилниц, не забыть
Обет, который, может быть,
Ты бросила от нетерпенья,
А я? - Я жалуясь безжалостной судьбе;
Я плачу, как дитя, прикинув к изголовью,
Мечусь по ложу сна, терзаемый любовью,
И мыслю о тебе... и об одной тебе!

1834

И МОЯ ЗВЕЗДОЧКА

Море воеет, море стонет,
И во мраке, одиноко,
Поглощен волною, тонет
Мой заносчивый челнок.

Но, счастливцев, пред собою
Вижу звездочку мою -
И покоен я душою,
И беспечно я пою:

"Молодая, золотая
Предвещательница дня,
При тебе беда земная
Недоступна до меня.

Но сокрой за бурной мглою
Ты сияние свое -
И сокроется с тобою
Провидение мое!"

1834

НА ГОЛОС РУССКОЙ ПЕСНИ

Я люблю тебя, без ума люблю!
О тебе одной думы думаю,
При тебе одной сердце чувствую,
Моя милая, моя душечка.

Ты взгляни, молю, на тоску мою -
И улыбкою, взглядом ласковым
Успокой меня, беспокойного,
Осчастливь меня, несчастливоего.

Если жребий мой - умереть тоской -
Я умру, любовь проклинаячи,
Но и в смертный час воздыхаячи
О тебе, мой друг, моя душечка!

1834

* * *

О, кто, скажи ты мне, кто ты,
Виновница моей мучительной мечты?
Скажи мне, кто же ты? - Мой ангел ли хранитель
Иль злобный гений-разрушитель
Всех радостей моих? - Не знаю, но я твой!
Ты смяла на главе венки мой боевой,
Ты из души моей изгнала жажду славы,
И грезы гордые, и думы величавы.
Я не хочу войны, я разлюбил войну, -
Я в мыслях, я в душе храню тебя одну.
Ты сердцу моему нужна для трепетанья,
Как свет очам моим, как воздух для дыханья.
Ах! чтоб без трепета, без ропота терпеть
Разгневанной судьбы и грозы и волнения,
Мне надо на тебя глядеть, всегда глядеть,
Глядеть без усталости, как на звезду спасенья!
Уходишь ты-и за тобою вслед
Стремится мысль, душа несется,
И стынет кровь, и жизни нет!..
Но только что во мне твой шорох отзовется,
Я жизни чувствую прилив, я вижу свет,
И возвращается душа, и сердце бьется!..

1834

ПОСЛЕ РАЗЛУКИ

Когда я повстречал красавицу мою,
Которую любил, которую люблю,
Чьей власти избежать я льстил себя обманом, -
Я обомлел! Так, случаем неожиданным,

Гуляющий на воле удалец -
Встречается солдат-беглец
С своим безбожным капитаном.

1834

РЕЧКА

Давно ли, речка голубая,
Давно ли, ласковой волной
Мой челн привольно колыхая,
Владела ты, источник рая,
Моей блуждающей судьбой!

Давно ль с беспечною милой
В благоуханных берегах
Ты влагу ясную катила
И отражать меня любила
В своих задумчивых струях!..

Теперь, печально пробегая,
Ты стонешь в сумрачной тиши,
Как стонет дева молодая,
Пролетный призрак обнимая
Своей тоскующей души.

Увы! твой ропот заунывный
Понятен мне, он - ропот мой;
И я пою последни гимны
И твой поток гостеприимный
Кроплю прощальною слезой.

Наутро пурпурной зарею
Запышет небо, - берега
Блеснут одеждой золотою,
И благотворною росой
Закаплют рощи и луга.

Но вод твоих на лоне мутном
Все будет пусто!.. лишь порой,
Носясь полетом бесприютным,
Их гостем посетит минутным
Журавль, пустынный кочевой.

О, где тогда, осиротелый,
Где буду я! К каким странам,
В какие чуждые пределы
Мчатъ будет гордо парус смелый
Мой челн по скачущим волнам!

Но где б я ни был, сердца дани -

Тебе одной. Чрез даль морей
Я на крылах воспоминаний
Явлюсь к тебе, приют мечтаний,
И мук, и благ души моей!

Явлюсь, весь в думу превращенный,
На берега твоих зыбей,
В обитель девы незабвенной,
И тихо, странник потаенный,
Невидимым приникну к ней.

И, неподвластный злым укорам,
Я облеку ее собой,
Упьюсь ее стыдливым взором,
И вдохновенным разговором,
И гармонической красой;

Ее, чья прелесть - увлечение!
Светла, небесна и чиста,
Как чувство ангела в моленье,
Как херувима сновиденье,
Как юной грации мечта!

1834

РОМАНС

Не пробуждай, не пробуждай
Моих безумств и исступлений
И мимолетных сновидений
Не возвращай, не возвращай!

Не повторяй мне имя той,
Которой память - мука жизни,
Как на чужбине песнь отчизны
Изгнаннику земли родной.

Не воскрешай, не воскрешай
Меня забывшие напасти,
Дай отдохнуть тревогам страсти
И ран живых не раздражай.

Иль нет! Сорви покров долой!..
Мне легче горя своеволье,
Чем ложное холоднокровье,
Чем мой обманчивый покой.

1834

Что пользы мне в твоём совете,
Когда я съединил и пламенно люблю
Весь Божий мир в одном предмете,
В едином чувстве - жизнь мою!

1834

* * *

Я вас люблю так, как любить вас должно:
Наперекор судьбы и сплетней городских,
Наперекор, быть может, вас самих,
Томящих жизнь мою жестоко и безбожно.
Я вас люблю не оттого, что вы
Прекрасней всех, что стан ваш негой дышит,
Уста роскошествуют и взор Востоком пышет,
Что вы - поэзия от ног до головы!
Я вас люблю без страха, спасенья
Ни неба, ни земли, ни Пензы, ни Москвы, -
Я мог бы вас любить глухим, лишенным зренья.
Я вас люблю затем, что это - вы!
На право вас любить не прибегу к пашпорту
Иссохших завистью жеманниц отставных:
Давно с почтением я умоляю их
Не заниматься мной и убираться к черту!

1834

* * *

В былые времена она меня любила
И тайно обо мне подругам говорила,
Смущенная и очи спустя,
Как перед матерью виновное дитя.
Ей нравился мой стих, порывистый, несвязный,
Стих безыскусственный, но жгучий и живой,
И чувств расстроенных язык разнообразный,
И упоенный взгляд любовью и тоской.
Она внимала мне, она ко мне ласкалась,
Унылая и думою полна,
Иль, ободренная, как ангел, улыбалась
Надеждам и мечтам обманчивого сна...
И долгий взор ее из-под ресниц стыдливых
Бежал струей любви и мягко упал
Мне на душу - и на устах пылал
Готовый поцелуй для уст нетерпеливых...

.....
1834 или 1835

РОМАНС

Жестокий друг, за что мученье?
Зачем приманка милых слов?
Зачем в глазах твоих любовь,
А в сердце гнев и нетерпенье?
Но будь покойна только ты,
А я, на горе обреченный,
Я оставляю все мечты
Моей души развороженной...

И этот край очарованья,
Где столько был судьбой гоним,
Где я любил, не быв любим,
Где я страдал без состраданья,
Где так жестоко испытал
Неверность клятв и обещаний
И где никто не понимал
Моей души глухих рыданий!

1834 или 1835

* * *

Унеслись невозвратимые
Дни тревог и милых бурь,
И мечты мои любимые,
И небес моих лазурь.
.....
Не глядит она, печальная,
На пролет надежд моих.
Не дрожит слеза прощальная
На ресницах молодых!

1834 или 1835

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Прошла борьба моих страстей,
Болезнь души моей мятежной,
И призрак пламенных ночей
Неотразимый, неизбежный,
И милые тревоги милых дней,
И языка несвязный лепет,
И сердца судорожный трепет,
И смерть и жизнь при встрече с ней...
Исчезло все! - Покой желанный
У изголовия сидит...
Но каплет кровь еще из раны,
И грудь усталая и ноет и болит!

СОВРЕМЕННАЯ ПЕСНЯ

Был век бурный, дивный век:
Громкий, величавый;
Был огромный человек,
Расточитель славы.

То был век богатырей!
Но смешались шашки,
И полезли из щелей
Мошки да букашки.

Всякий маменькин сынок,
Всякий обирала,
Модных бредней дурачок,
Корчит либерала.

Деспотизма супостат,
Равенства оратор, -
Вздулся, слеп и бородат,
Гордый регистратор.

Томы Тьера и Рабо
Он на память знает
И, как ярый Мирабо,
Вольность прославляет.

А глядишь: наш Мирабо
Старого Гаврило
За измятое жабо
Хлещет в ус да в рыло.

А глядишь: наш Лафает*
Брут или Фабриций
Мужиков под пресс кладет
Вместе с свекловицей.

Фраз журнальных лексикон,
Прапорщик в отставке,
Для него Наполеон -
Вроде бородавки.

Для него славнее бой
Карбонаров бледных,
Чем когда наш шар земной
От громов победных

Кольхался и дрожал,
И народ в смятенье,

Ниц упавши, ожидал
Мира разрушенье.

Что ж? - Быть может, наш герой
Утомил свой гений
И заботой боевой,
И огнем сражений?..

Нет, он в битвах не бывал -
Шаркал по гостиным
И по плацу выступал
Шагом журавлиным.

Что ж? - Быть может, он богат
Счастьем семьянина,
Заменя блистанье лат
Тогой гражданина?..

Нет, нахально подбочась,
Он по дачам рыщет
И в театрах, развалясь,
Все шипит да свищет.

Что ж? - Быть может, старины
Он бежал приманок?
Звезды, ленты и чины
Презрел спозаранок?

Нет, мудрец не разрывал
С честолюбьем дружбы
И теперь бы крестик взял...
Только чтоб без службы.

Вот гостиная в лучах:
Свечи да кенкеты,
На столе и на софах
Кипами газеты;

И превыспренний конгресс
Двух графинь оглохших
И двух жалких баронесс,
Чопорных и тощих;

Все исчадие греха,
Страстное новинкой;
Заговорщица-блоха
С мухой-якобинкой;

И козявка-егоза -
Девка пожилая,
И рябая стрекоза -

Сплетня записная;

И в очках сухой паук -
Длинный лазарони,
И в очках плюгавый жук,
Разноситель вони;

И комар, студент хромой,
В кучерской прическе,
И сверчок, крикун ночной,
Друг Крылова Моськи;

И мурашка-филантроп,
И червяк голодный,
И Филипп Филиппыч - клоп,
Муж... женоподобный, -

Все вокруг стола - и скок
В кипеть совещастья
Утопист, идеолог,
Президент собрания,

Старых барынь духовник,
Маленький аббатик,
Что в гостиных битъ привык
В маленький набатик.

Все кричат ему привет
С аханьем и писком,
А он важно им в ответ:
Dominus vobiscum!**

И раздолье языкам!
И уж тут не шутка!
И народам и царям -
Всем приходит жутко!

Все, что есть,- все пыль и прах!
Все, что процветает, -
С корнем вон! - Ареопаг
Так определяет.

И жужжит он, полн грозой,
Царства низвергая...
А России - Боже мой! -
Таска... да какая!

И весь размежеван свет
Без войны и драки!
И России уже нет,
И в Москве поляки!

Но назло врагам она
Все живет и дышит,
И могуча, и грозна,
И здоровьем пышет,

Насекомых болтовни
Внятием не тешит,
Да и место, где они,
Даже не почешет.

А когда во время сна
Моль иль таракашка
Заползет ей в нос, - она
Чхнет - и вон букашка!

1836

* Лафайет Мари Жозеф (1757-1834) - французский политический деятель. -
Прим. ред.

* Господь с вами! (Лат.)

ЧЕЛОБИТНАЯ Башилову

В дни былые сорванец,
Весельчак и веселитель,
А теперь Москвы строитель,
И сенатор, и делец,
О мой давний покровитель,
Сохрани меня, отец,
От соседства шумной тучи
Полицейской саранчи,
И торчащей каланчи,
И пожарных труб и крючий.
То есть, попросту сказать:
Помоги в казну продать
За сто тысяч дом богатый,
Величавые палаты,
Мой пречистенский дворец.
Тесен он для партизана:
Сотоварищ урагана,
Я люблю, казак-боец,
Дом без окон, без крылец,
Без дверей и стен кирпичных,
Дом разгулов безграничных
И налетов удалых,
Где могу гостей моих
Принимать картечью в ухо,
Пулей в лоб иль пикой в брюхо.
Друг, вот истинный мой дом!
Он везде, - но скучно в нем;

Нет гостей для угощенья.
Подожду... а ты пока
Вникни в просьбу казака
И уважь его моленье.

1836

* * *

Я помню - глубоко,
Глубоко мой взор,
Как луч, проникал и рощи, и бор,
И степь обнимал широко, широко...

Но, зоркие очи,
Потухли и вы...
Я выглядел вас на деву любви,
Я выплакал вас в бессонные ночи!

1836

ЭПИГРАММЫ

К ПОРТРЕТУ БОНАПАРТЕ

Сей корсиканец целый век
Гремит кровавыми делами.
Ест по сту тысяч человек
И с...т королями.

К ПОРТРЕТУ NN

Говорит хоть очень тупо,
Но в нем это мудрено,
Что он умничает глупо,
А дурачится умно.

НА К.

Vout-rime*

В любезности его неодолимый груз,
В нем не господствуют ни соль, ни перец,
Я верю: может быть, для немок он - француз,
Но для француженок он - немец.

*Буриме- стихи на заданные рифмы (фр.).

НА НЕГО ЖЕ

А кто он? - Француз, германец,
Франт, философ, скряга, мот,
То блудлив, как ярый кот,
То труслив, как робкий заяц;
То является, томим
Чувством жалостно-унылым,
То бароном легкокрылым,
То маркизом пудовым.

НАДПИСЬ К СОЧИНЕНИЯМ Г. ***

Он с цветочка на цветок,
С стебелька на стебелек
Мотыльком перелетает;
Но сколь рок его суров:
Все растенья он лобзает,
Кроме... лавровых листов!

ЭПИГРАММА

Остра твоя, конечно, шутка,
Но мне прискорбно видеть в ней
Не счастье твоего рассудка,
А счастье памяти твоей.

Между 1805 и 1814

* * *

Меринос собакой стал, -
Он нахальствует не к роже,
Он сейчас народ прохожий
Затолкал и забодал.
Сторож, что ж ты оплошал?
Подойди к барану прямо,
Подцепи его на крюк
И прижги ему курдюк
Раскаленной эпиграммой!

УЧЕНЫЙ РАЗГОВОР

"О ты, убивший жизнь в ученом кабинете,
Скажи мне: сколько чуд считается на свете?" -
"Семь". - "Нет: осьмое - ты, педант мой дорогой;
Девятое - твой нос, нос сизо-красноватый,
Что, так спесиво приподнятый,
Стоит, украшенный табачною ноздрей!"

* * *

Нет, кажется, тебе не суждено
Сразить врага: твой враг - детина чудный,
В нем совесть спит спокойно, непробудно.
Заставить бестию стыдиться - мудрено...
Заставить покраснеть - не трудно!

1836